

робно выписан или чтобы он был трехмерным; от него требуют четкости»¹³.

Можно с полной уверенностью констатировать, что созданные Луначарским силуэты в полной мере отвечают этому условию. В отличие от литературных портретов Горького они более эскизные, менее самостоятельны по своему назначению. Основным элементом повествования у Луначарского является обобщенная характеристика, данная в публицистической форме, в то время как «портреты» Горького тяготеют к словесному живописанию с натуры, к живому диалогу, выразительной детали¹⁴. Как правило, «силуэты» Луначарского входят в качестве неотъемлемых компонентов в его литературно-критические статьи, очерки, рецензии и мемуары, образуя с ними неделимое целое. Вместе с тем им свойственна «четкость» словесного рисунка, ясность и определенность контуров, свидетельствующие не только о ярком даровании автора, но и о глубоком понимании им эстетической природы жанра.

Само понятие «силуэт» неразрывно связано у Луначарского с сопутствующим ему понятием «фон», который оттеняет контуры изображаемой фигуры, подчеркивает ее наиболее характерные черты. Фон — это эпоха, данная Луначарским в точно найденных приметах времени, истории, бытия. В его силуэтах он не просто дорисовывает характеризующую личность, а составляя с ней целое, насыщает ее конкретно-историческим содержанием.

В художественном познании сложной и всегда неповторимой диалектической связи эпохи и отдельно взятой реальной личности Луначарский и предстает перед нами как большой мастер портрета, обладающий редкой способностью за силуэтным образом увидеть большое, крупномасштабное. Ему всякий раз подвластна синтетическая природа подлинного искусства, в котором социально-философский и эстетический анализ реальной личности сочетается с конкретно-образным восприятием ее индивидуальных черт и особенностей. За каждым бегло намеченным силуэтом, будь то «тысячегранный» Толстой или «подлинный гений» Гете, «царь русского смеха» Гоголь или «художник-мыслитель» Гейне, у Луначарского чувствуется целостный взгляд на мир, его настоящее и прошлое, на смену социально-экономических формаций, генезис культуры, включающий в себя и античность, и эпоху Возрождения, историю западноевропейской и русской литературы, театра, музыки. «Силуэт» у него является частью целого, конкретизацией общей концепции социально-философского и эстетического развития.

Поэтому вряд ли можно рассматривать «силуэты» Луначарского только как своеобразный прием, помогающий автору создать художественный образ конкретного лица¹⁵. Думается, что мы имеем дело с весьма специфическим разнородным по своему составу жанровым образованием, все элементы которого, обычные для всякого рода статей и очерков, подчиняются задаче воссоздания портрета. Благодаря портретно-обобщенной оценке писателя, художника или музыканта Луначарскому удастся показать творческое лицо каждого из них, охарактеризовать их вклад в историю литературы и искусства, определить общее социальное значение лично-

¹³ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра. М., «Наука», 1973, с. 5.

¹⁴ Попытка сопоставления «силуэтов» Луначарского с воспоминаниями Горького о современниках сделана в работе: *Козло И. П.* Черты портрета. Страницы жизни и деятельности А. В. Луначарского. Минск, Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1972, с. 117, 118.

¹⁵ См. об этом: *Лебедев А. А.* Эстетические взгляды А. В. Луначарского. М., «Искусство», 1962, с. 211. Вместе с тем, характеризуя своеобразие портрета в творчестве Луначарского, автор верно отмечает, что он «переплавляет в образы-портреты, образы-характеристики весь свой литературоведческий и искусствоведческий опыт, весь материал историка, всю сумму преломленных впечатлений, полученных им от осмыслений творений данного художника» (*Лебедев А. А.* Указ. соч., с. 216).